

ПЛАМЯ
над
ДУНАЕМ

ЛАНА РОКОШЕВСКАЯ

Лана Рокошевская
Пламя над Дунаем

«Автор»

2026

Рокошевская Л.

Пламя над Дунаем / Л. Рокошевская — «Автор», 2026

Венгрия, 1805 год. Наполеоновские армии приближаются к Дунаю, старые империи рушатся, а обедневшей семнадцатилетней графине Илоне Батори предстоит самой отвоевать право на будущее. Покинув холодный дом в Пожони, она отправляется к богатому родственнику, надеясь спасти больную мать и угасающий род. На дороге Илона попадает в засаду, где её спасает граф Миклош Эстерхази, бесстрашный венгерский гусар с опасной репутацией и прошлым, о котором он предпочитает молчать. Их встреча становится началом любви, которой придётся пройти через разлуку, придворные интриги, предательство и новые войны. Пока Наполеон перекраивает Европу, Илона оказывается среди людей, готовых использовать её имя, красоту и чувства в борьбе за власть. Чтобы сохранить себя и тех, кого она любит, ей придётся стать сильнее обстоятельств. Но сможет ли Миклош вернуться с войны прежде, чем пламя над Дунаем уничтожит всё, что они пытались спасти?

© Рокошевская Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	8
Глава 1. Дорога к Карольи	9
Глава 2. Засада	12
Глава 3. Имение Карольи	15
Глава 4. Прощание и обещание	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Лана Рокошевская

Пламя над Дунаем

Лана Рокошевская

ПЛАМЯ НАД ДУНАЕМ

Исторический роман

«Кто не знал Венгрию в эпоху войн,

тот не знал, что такое отвага,

замешанная на горячей крови и древней гордости».

ПРОЛОГ

Ноябрь 1805 года выдался ранним и злым, словно зима решила заявить о себе прежде срока. Над Дунаем стелился туман, густой, как овечья шерсть, и сквозь его молочную пелену изредка проступали очертания башен Братиславского замка, похожие на тёмные пальцы, воздетые к низкому небу. Река несла холод. Она пахла железом и тиной, и этот запах смешивался с горьким дымом от костров, разложенных по берегу.

Илона Батори стояла у окна и смотрела на реку. Ей было семнадцать лет, и она была красива той особенной венгерской красотой, которую не спутаешь ни с какой иной: тёмные волосы цвета каштанового мёда, широко расставленные глаза, зелёные, как дунайские заводи в июле, и тонкий, чуть вздёрнутый нос, придававший её лицу выражение одновременно надменное и лукавое. На ней было шерстяное платье табачного цвета, поверх которого наброшена шаль из грубой козьей пряжи. Она зябла.

За её спиной, в полутёмной комнате с низким потолком, тихо потрескивали дрова в камине. Огонь давал мало тепла, зато от него по стенам бежали рыжие тени, и казалось, что старинная мебель, давно утратившая позолоту, оживает, вспоминая о лучших временах. Пахло дымом, воском и чем-то кислым, ввевшимся в стены, как сама бедность.

– Илона! – Голос матери донёсся из соседней комнаты, хриплый от простуды, но всё ещё властный. Графиня Маргит Батори привыкла повелевать, хотя повелевать давно было нечем: из прислуги оставалась лишь старая Борка, а из имущества... Илона усмехнулась горько. Из имущества оставался этот дом, три комнаты которого ещё можно было отапливать, да фамильное кольцо с рубином, которое мать прятала в складках корсажа, как прячут раненую птицу.

– Иду, мама, – отозвалась Илона, но не двинулась с места. Она смотрела, как по реке медленно, словно призраки, плывут плоскодонные баржи. На одной из них горел фонарь, и его жёлтый свет покачивался на воде, будто кто-то пытался поджечь Дунай.

Баржи везли раненых. Илона знала это, хотя никто ей не говорил. Она знала, потому что уже три дня подряд город наполнялся стонами, запахом крови и тем особым, суетливым страхом, который охватывает людей, когда война, до этого бывшая лишь слухом, вдруг становится плотью и кровью. После Ульма Наполеон двигался на Вену, и его Великая армия катилась через Европу, как паводок по весенней равнине, сметая всё на своём пути.

Графиня Маргит появилась в дверях, опираясь на палку. Она была ещё не стара, ей не исполнилось и сорока, но болезнь и бедность состарили её раньше времени. Впрочем, спина её была прямой, как клинок, а подбородок вздёрнут так, словно она принимала бал, а не кашляла в холодном доме на окраине Пожони.

– Перестань стоять у окна, как привидение. Борка разогрела суп, и нам надо поговорить.

Илона обернулась. В глазах матери она увидела то, чего боялась больше холода и голода: решимость. Мать что-то задумала.

Суп оказался жидким, из капусты с парой кусков солонины, но горячим, и Илона пила его из глиняной миски, обхватив её обеими руками, согревая пальцы. Борка, сухая, как вяленая рыба, женщина с лицом цвета грецкого ореха, молча налила им по второй порции и ушла, шаркая стоптанными башмаками.

– Вот что я решила, – сказала графиня, отодвигая миску. – Завтра я отправлю письмо барону Ференцу Карольи. Он наш дальний родственник, и у него есть связи при дворе в Вене. Если Вена устоит, нам нужен покровитель. Если падёт... – Она не договорила. – В любом случае, ты поедешь к нему.

– Я? – Илона подняла голову. – Одна?

– С Боркой. Я слишком больна для дороги, ты видишь это не хуже меня. Но ты молода, ты Батори, и ты красива. – Графиня произнесла последнее слово так, будто говорила о боевом коне или остром клинке, об оружии, а не о внешности.

– Вы хотите, чтобы я...

– Я хочу, чтобы ты выжила, – оборвала мать. – Наш род не угаснет в нищете, на краю забытого Богом города. Поезжай к Карольи. Он примет тебя, хотя бы из приличия. А дальше...

– Она впервые за вечер улыбнулась, и эта улыбка была похожа на блеск клинка. – Дальше зависит от тебя, доченька. От тебя и от Бога.

Илона посмотрела на мать долгим, спокойным взглядом. Внутри неё что-то сжалось, как пружина в часовом механизме, и она почувствовала во рту привкус меди, будто уже сейчас, за этим столом с жидким капустным супом, начиналась её битва. Битва, о масштабах которой она ещё не подозревала.

За окном протяжно загудел рог на барже, и звук этот разнёсся над Дунаем, как последний вздох уходящего дня.

Илона кивнула.

– Я поеду.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДОРОГИ ВОЙНЫ

Глава 1. Дорога к Карольи

Карета выехала из Пожони на рассвете, когда город ещё спал тяжёлым, простуженным сном. Старая повозка, одолженная у соседа-сапожника за обещание вернуть с процентом, скрипела на каждой кочке так отчаянно, будто жаловалась на свою судьбу. Лошадь была одна, гнедая, костлявая, с провалившимися боками, но Борка, сидевшая на козлах, правила ею уверенно, словно восседала на козлах графского экипажа.

Илона устроилась внутри, среди узлов с одеждой и провизией. Мать собрала её в дорогу с той же тщательностью, с какой генерал готовит наступление. Два платья, одно повседневное и одно выходное, тёмно-зелёного бархата, подшитое золотой тесьмой, которую графиня спорила с собственного старого наряда. Смена белья. Пара башмаков, ещё крепких, хотя и не новых. Мешочек с мукой, круг солёного сыра, полоска вяленого мяса. И письмо к барону Карольи, запечатанное фамильным перстнем, единственной драгоценностью, которую мать всё-таки отдала дочери.

– Передашь из рук в руки, – наказала графиня на прощание, целуя дочь в лоб. – И помни: ты не просительница, ты родственница. Батори не просят, они принимают приглашение.

Илона помнила. Она помнила и то, как дрогнули губы матери, и то, как старая Борка тайком перекрестилась, когда карета выехала за ворота. Но плакать Илона не собиралась. Упрямство, воспитанное матерью и самим именем Батори, не позволяло ей расслабиться. Слезы, как и роскошь, были для тех, кто мог себе их позволить.

Дорога из Пожони на юг, к имению Карольи близ Секешфехервара, занимала обычно три дня. Но это в мирное время, по сухим осенним дорогам, с хорошими лошадьми. Сейчас же дороги превратились в месиво из грязи, конского навоза и колёсных борозд, оставленных военными обозами. Повсюду двигались войска: австрийские полки тянулись на восток, обратно от проигранных позиций, и их серые шинели, забрызганные грязью, казались частью пейзажа, словно земля рождала солдат, как весной рождает грибы.

К полудню первого дня Борка остановила лошадь у придорожного трактира. Вывеска «У золотого быка» висела криво, и сам бык на ней напоминал скорее больную корову, но из трубы шёл дым, и это обещало тепло.

Внутри было тесно и душно. Пахло кислым пивом, жареным луком и мокрой шерстью. За длинным столом сидели солдаты, человек десять, в расстёгнутых мундирах с серебряными пуговицами. Они пили и говорили громко, по-немецки, и один из них, рыжий, с забинтованной рукой, смеялся так, будто войны не было вовсе.

Илона вошла, и смех оборвался. Десять пар глаз уставились на неё, и она почувствовала эти взгляды, как прикосновения: жадные, удивлённые, оценивающие. Она выпрямилась, вздёрнула подбородок, точь-в-точь как делала мать, и прошла к стойке.

– Горячего. Два, – сказала она хозяину, грузному мужчине с лицом, похожим на печёное яблоко.

– Серебром или медью? – буркнул он, не глядя на неё.

– Серебром, – ответила Илона, положив на стойку монету. Монет оставалось немного, но показать нищету перед этими людьми значило показать слабость, а слабость на дороге, полной солдат, была опаснее чумы.

Рыжий солдат поднялся и подошёл к ней. Он был молод, не старше двадцати пяти, и под грязью и усталостью угадывалось приятное лицо с россыпью веснушек.

– Вы одна путешествуете, сударыня? – спросил он по-немецки с заметным венским акцентом. – Дороги нынче не для дам.

– Я не одна. Со мной мой провожатый, – Илона кивнула в сторону Борки, которая как раз входила в трактир, стряхивая снежную крупу с плеч.

Солдат оглядел сухонькую старуху и с трудом сдержал усмешку.

– Грозный провожатый, не спорю. Но позвольте представиться: лейтенант Франц Мерц, Четвёртый гусарский. Мы направляемся к Прессбургу. Если вам по пути, мы могли бы...

– Благодарю, лейтенант, но мне не по пути, – отрезала Илона.

Она взяла миски с горячим и отошла к дальнему углу, где было темнее и тише. Борка, сев напротив, покачала головой.

– Зря ты так с военными, девочка. На дороге друзья не помешают.

– Друзья не помешают, – согласилась Илона, дуя на ложку с горячим варевом, оказавшимся чем-то средним между гуляшом и помоями. – Но этот хочет не дружбы.

Борка хмыкнула, и в этом хмыканье было столько мудрости, сколько не вместит ни одна книга.

Они выехали через час, когда снежная крупа сменилась мокрым снегом, липнувшим к одежде и лошадиной гриве. Дорога стала ещё хуже. Колёса то и дело вязли в грязи, и Илоне приходилось вылезать и толкать карету, обдирая ладони о мокрое дерево. Платье промокло до нитки. Холод забирался под кожу, словно невидимый зверь, и к вечеру зубы Илоны стучали так, что она не могла говорить.

На ночь они остановились в деревне, название которой Илона не запомнила. Крестьянка с испуганными глазами пустила их в хлев, где было тепло от коровьего дыхания и пахло сеном и навозом. Илона легла на солому, укрывшись всем, что было, и долго не могла уснуть. Рядом тяжело дышала корова, за стеной выл ветер, а где-то далеко, может быть за горизонтом, а может в её собственном воображении, глухо бухали пушки.

– Борка, – прошептала она в темноту.

– Чего тебе?

– А если Карольи нас не примет?

Молчание. Потом Борка сказала голосом, лишённым всякого выражения:, Примет. А не примет, найдём другого. Батори всегда находили выход. Спи.

Илона закрыла глаза, но сон не шёл. Перед её мысленным взором вставали картины: замок Карольи, каким она его представляла, с высокими окнами, горящими каминами и столами, ломящимися от еды; и другая картина, страшная: она и Борка, бредущие по бесконечной дороге, без денег, без крыши, без будущего. Между этими двумя картинами качалась её судьба, как маятник старых часов.

Под утро она всё-таки задремала и увидела во сне реку, тёмную, широкую реку, в которой отражались звёзды. И кто-то стоял на другом берегу, высокий, тёмный силуэт, и звал её по имени. Голос был низкий, незнакомый, но отчего-то Илона знала, что должна переплыть эту реку, чего бы это ни стоило.

Она проснулась от холода. За стеной хлева занимался рассвет, серый и безрадостный, как солдатская шинель.

Второй день оказался хуже первого. Снег усилился, дорога стала почти непроезжей, а лошадь начала хромать. Борка, впрочем, не теряла ни духа, ни терпения. Она правила, напевая сквозь зубы старую венгерскую песню про волков и луну, и её маленькая фигура на козлах казалась Илоне надёжнее крепостной стены.

К вечеру они добрались до городка Дьёр, который встретил их шумом, суетой и запахом пороха. Город был переполнен беженцами, солдатами и слухами. Говорили, что Наполеон уже взял Вену. Говорили, что император Франц бежал. Говорили, что русские идут на помощь. Говорили, что всё пропало. Говорили, что всё будет хорошо.

Илона не верила ни одному из слухов. Она верила только в то, что могла потрогать: в монеты, тающие в кошельке, в хромую лошадь, в сухую корку хлеба, которую жевала, сидя в карете на площади Дьёра, пока Борка искала кузнеца, чтобы подковать кобылу.

Именно тогда, на площади Дьёра, под мокрым снегом, среди суеты чужого города, Илона впервые увидела его.

Он ехал верхом, в окружении четырёх всадников. Тёмно-синий доломан венгерского гусара, расшитый золотым шнуром, сидел на нём как влитой. меховая шапка, сдвинутая набок, открывала высокий лоб и тёмные, почти чёрные волосы. Он был молод, может быть лет двадцати восьми, и красив той мужской красотой, которая ничего общего не имеет с миловидностью: резкие скулы, твёрдый подбородок, тёмные глаза, смотревшие на мир с какой-то хищной внимательностью. Он проехал мимо кареты Илоны так близко, что она могла бы дотянуться до его стремени, и на мгновение их глаза встретились.

Их взгляды встретились лишь на мгновение, но Илона вдруг перестала чувствовать холод. Он тоже заметил её, она видела это: его взгляд задержался на ней на долю секунды дольше, чем полагалось, и тёмные брови чуть дрогнули.

А потом он проехал мимо, и его всадники за ним, и площадь поглотила их, как река поглощает камни.

Илона стояла, забыв о холоде, забыв о хлебе, который держала в руке. Сердце билось слишком громко, и Илона рассердилась на себя.

– Вот ещё, – пробормотала она сердито и откусила хлеб с такой яростью, словно он был виноват во всём.

Борка вернулась с кузнецом, маленьким жилистым человеком, пахнущим углём и железом. Пока он ковал подкову, Борка присела рядом с Илоной.

– Кузнец говорит, дорога на Секешфехервар свободна, но за городом пошаливают дезертиры. Может, переждём в Дьёре?

– Нет, – сказала Илона. – Едем завтра на рассвете. Денег на ожидание у нас нет.

Борка посмотрела на неё долгим, изучающим взглядом и кивнула., Как скажешь, графиня.

Илона вздрогнула. Борка впервые назвала её так, и это слово, «графиня», прозвучало одновременно как титул и как приговор.

Глава 2. Засада

Рассвет третьего дня был красным, как разлитое вино. Борка, увидев это небо, перекрестилась и пробормотала: Красная заря, быть беде., Илона не стала спорить. Она уже привыкла к тому, что каждый день этого путешествия приносит свою порцию невзгод, и ждать от мира милости было бы глупо.

Они выехали из Дьёра, когда колокола ещё не отзвонили шесть. Лошадь, подкованная заново, ступала увереннее, и карета, хотя и скрипела по-прежнему, двигалась бодрее. Дорога вилась между невысокими холмами, покрытыми голыми деревьями, чьи ветви напоминали руки, воздетые к небу в немой мольбе. Снег перестал, но ветер не утих, и он нёс с собой запах дыма из далёких деревень и ещё что-то, кисловатое, тревожное, что Илона не сразу опознала.

Порох. Дорога пахла порохом.

К полудню они миновали несколько деревень, притихших и настороженных. Крестьяне смотрели из-за заборов, но никто не выходил. Один раз навстречу попался отряд австрийских драгунов, угрюмых и молчаливых, и их командир, пожилой капитан с седыми бакенбардами, коротко кивнул Борке и проехал мимо.

А потом дорога нырнула в лес.

Илона не любила леса. Она выросла на равнине, где взгляд свободно улетает к горизонту, и замкнутое пространство среди деревьев вызывало у неё тревогу, похожую на ту, что испытывает рыба, попавшая в сеть. Этот лес был особенно неприятен: дубы стояли тесно, их стволы, покрытые мхом, казались стенами, а кроны, хоть и голые, сплетались так густо, что света почти не проникало.

Борка замедлила ход. Лошадь фыркнула и прижала уши.

– Борка...

– Тихо, – прошипела старуха, натягивая поводья. Она прислушалась. Илона тоже, и сквозь скрип колёс и свист ветра услышала то, от чего кровь застыла в жилах: хруст веток. Впереди и справа. Не один человек, несколько.

Они появились из-за деревьев, как тени. Пятеро. Грязные, оборванные, с лицами, заросшими щетиной. Один, коренастый, со шрамом через всё лицо, держал мушкет. Другой, худой, как жердь, сжимал в руке саблю, и сталь тускло блеснула в сером свете. Остальные были вооружены кто ножом, кто дубиной.

Дезертиры. Илона поняла это мгновенно, по обрывкам мундиров, ещё видимым под слоем грязи, по военной выправке, сохранившейся даже в этих опустившихся людях.

– Стой! – скомандовал тот, со шрамом, и встал посреди дороги, направив мушкет на Борку.

Борка остановила лошадь. Её лицо осталось невозмутимым, только побелевшие пальцы на поводьях выдавали страх.

– Доброго дня, молодцы, – сказала она ровным голосом. – Чем могу служить?

Шрам засмеялся. Смех у него был неприятный, скрипучий, как ржавый засов.

– Служить? Можешь, бабка, можешь. Деньги, еда, что есть в карете, всё давай. И быстро, пока я добрый.

Илона откинула занавеску кареты. Она успела подумать, что надо было послушать Борку и переждать в Дьёре, и тут же разозлилась на себя за эту мысль. Сожаления, как и слёзы, были для тех, кто мог себе их позволить.

– Там мало что есть, – сказала она, стараясь, чтобы голос не дрожал. – Немного еды. Одежда. Денег почти нет.

Шрам оглядел её, и его глаза, маленькие и злые, сузились.

– Ишь ты, барышня. А барышня сама, пожалуй, подороже будет, чем вся карета.

Худой загоготал. Остальные подступили ближе, и Илона почувствовала их запах: немытое тело, перегар, тухлятина. Её затошнило, но она не отступила. Рука нащупала под сиденьем то, что она прихватила ещё в Пожони, не говоря матери: маленький пистолет, когда-то принадлежавший отцу.

Она вскинула его, направив в грудь Шраму.

– Не советую ближе, – произнесла Илона, и собственный голос удивил её твёрдостью.

Шрам замер. Секунду он смотрел на неё, потом перевёл взгляд на пистолет, потом снова на неё.

– Один выстрел, барышня. А нас пятеро.

– Один выстрел, и он ваш, – ответила Илона, не отводя ствола. – Кто хочет получить его? Вы?

Молчание. Ветер свистел в ветвях, и где-то каркнула ворона, хрипло и одиноко.

А потом за спинами дезертиров раздался стук копыт.

Он ворвался на поляну, как буря. Тот самый всадник, которого Илона видела на площади Дьёра, в тёмно-синем доломане, на вороном коне, с обнажённой саблей в руке. За ним скакали ещё двое. Вороной конь врезался в группу дезертиров, и те бросились врассыпную, как крысы от света.

Шрам выстрелил. Пуля свистнула мимо всадника, обожгла воздух у его виска, но он даже не вздрогнул. Сабля описала короткую серебристую дугу, и мушкет вылетел из рук Шрама, а сам он, получив удар плашмя по плечу, рухнул на колени.

Через минуту всё было кончено. Двое дезертиров лежали на земле, оглушённые, остальные растворились в лесу. Всадники не стали преследовать. Тот, в синем доломане, спешился и повернулся к карете.

Только сейчас Илона увидела его лицо близко. Она не ошиблась на площади: он был красив. Но вблизи его красота оказалась жёстче, чем казалось на расстоянии: шрам на левом виске, тонкий, как нитка, уходил в волосы; губы, плотно сжатые, говорили о привычке повелевать; а тёмные глаза... В них было что-то, чего Илона не могла определить. Опасность? Насмешка? Боль?

– Вы ранены? – спросил он по-венгерски, и его голос был именно таким, как она слышала во сне, у той тёмной реки: низким, чуть хриловатым, обволакивающим.

– Нет, – выдохнула Илона и поняла, что всё ещё держит пистолет, направленный теперь в грудь своему спасителю. Она опустила руку, и пистолет стукнул о деревянный борт кареты.

Он посмотрел на пистолет, потом на неё, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение.

– Вы собирались стрелять?

– Я собиралась попасть, – ответила Илона, и сама удивилась своей дерзости.

Он не улыбнулся, но складка у его рта чуть дрогнула.

– Граф Миклош Эстерхази, – представился он, коротко, по-военному. – Капитан Шестого гусарского полка. Куда направляетесь?

– Илона Батори. К барону Карольи, в его имение близ Секешфехервара.

Имя Батори произвело действие: его брови приподнялись.

– Батори? Из пожоньских?

– Из пожоньских, – подтвердила Илона, вздёрнув подбородок.

Он помолчал, окинув взглядом жалкую карету, костлявую лошадь, сухонькую Борку на козлах и саму Илону, с растрёпанными волосами, в промокшем платье, с отцовским пистолетом на коленях. И Илона поняла, что он видит всё: и бедность, и гордость, и страх, который она прятала, как мать прятала рубиновое кольцо.

– До имения Карольи ещё день пути, – сказал он наконец. – Дорога небезопасна, как вы уже убедились. Я еду в том же направлении. Позвольте нам вас сопровождать.

Это не было предложением пьяного лейтенанта в трактире. Это было сказано тоном, не допускающим возражений, тоном человека, привыкшего отдавать приказы и видеть их выполненными.

Илона хотела отказаться. Привычка к независимости, гордость, нежелание быть обязанной... Но Борка, обернувшись с козел, бросила на неё такой красноречивый взгляд, что Илона мысленно вздохнула.

– Благодарю, граф. Принимаю ваше предложение.

Он кивнул, вскочил в седло с той лёгкостью, которая выдаёт в наезднике человека, проводившего в седле всю жизнь, и тронул коня. Его спутники пристроились по бокам кареты, и маленький кортеж двинулся по лесной дороге.

Илона откинулась на жёсткую спинку сиденья и прикрыла глаза. Сердце по-прежнему стучало, но уже по-другому: не от страха, а от чего-то иного, незнакомого, горячего, как глоток токайского на морозе.

– Эстерхази, – прошептала она, пробуя имя на вкус, и оно показалось ей сладким и горьким одновременно, как миндаль.

Глава 3. Имение Карольи

Имение барона Ференца Карольи открылось перед ними к вечеру следующего дня, когда закатное солнце, впервые за всю дорогу пробившееся сквозь тучи, залило мир медным светом. Илона, измученная тряской, холодом и голодом, прижалась к окну кареты и замерла.

Это было не то, что она представляла. Замок оказался не замком, а огромным, раскинувшимся на холме помещением в стиле барокко: белые стены с жёлтой лепниной, высокие окна, парадная лестница с каменными львами. Перед домом разбит был сад, голый и чёрный в ноябре, но даже в этой наготе угадывались ровные аллеи, подстриженные кусты и мраморные статуи, укрытые мешковиной на зиму.

Это было богатство. Настоящее, несуетливое, уверенное в себе богатство, и Илона, выросшая в нищете, почувствовала, как сжалось горло. Не от зависти, нет. От стыда. Она представила себя глазами хозяина: промокшая девица в поношенном платье, с отцовским пистолетом и старухой-служанкой, явившаяся просить крова и хлеба.

Граф Эстерхази, ехавший рядом, словно прочитал её мысли.

– Карольи, славный человек, – сказал он негромко. – Хлебосольный, хотя и чудаковатый. Не бойтесь, он примет вас тепло.

– Я не боюсь, – солгала Илона.

Их встретил управляющий, сухой, вытянутый мужчина в чёрном камзоле, который посмотрел на карету так, будто ему привезли посылку сомнительного содержания. Однако, увидев графа Эстерхази, он мгновенно преобразился: лицо расцвело улыбкой, спина согнулась в поклоне, руки замельтешили.

– Граф, какая честь! Барон будет счастлив! Прошу, прошу...

– Я не один, – прервал его Эстерхази. – Со мной госпожа Батори, родственница барона. Она привезла письмо от матери, графини Маргит.

Имя произвело действие, не на управляющего, но на самого барона, который появился на пороге, предупреждённый кем-то из слуг. Ференц Карольи был тучный, невысокий мужчина лет пятидесяти, с круглым добродушным лицом, обрамлённым седеющими бакенбардами в стиле, который вышел из моды ещё при Иосифе. На нём был домашний халат вишнёвого бархата и ночной колпак, и выглядел он не как могущественный барон, а как добродушный дядюшка, которого подняли с послеобеденного сна.

– Батори? – переспросил он, шурясь. – Маленькая Маргит? Не может быть! Мы же двоюродные... Нет, троюродные... Или четвероюродные? Впрочем, неважно! Входите, входите, дитя моё! Какой мороз, Боже мой! Йозеф, велите затопить камин в голубой комнате! И ужин, конечно же, ужин!

Илона протянула ему письмо матери. Барон сломал печать, пробежал глазами, и его лицо на мгновение стало серьёзным. Но тут же он снова расплылся в улыбке.

– Ваша матушка пишет, что вы нуждаетесь в кратковременном пристанище. Чепуха! Живите, сколько хотите. Дом большой, комнат много, а гости нынче редки, все заняты этой проклятой войной. Миклош, вы тоже останетесь?

Эстерхази покачал головой., На одну ночь, барон. Завтра мне нужно быть в полку.

– Ах, полк, полк, – вздохнул барон. – Всё полк да полк. Ну, хотя бы отужинаете с нами. Идёмте!

Ужин был роскошен по меркам Илоны и скромнен по меркам барона: гуляш из телятины с паприкой, запечённый карп из собственного пруда, домашний хлеб, ещё тёплый, с хрустящей коркой, и токайское вино, густое и золотое, как расплавленный янтарь. Илона ела медленно, сдерживая себя, хотя голод кусал её изнутри, как злая собака.

За столом, кроме барона и графа, присутствовала ещё одна персона, племянница барона, Жужанна Карольи, девушка двадцати лет, круглолицая, с ямочками на щеках и смешливыми карими глазами. Она была мила, болтлива и абсолютно бесхитростна, и Илона, привыкшая к суровому молчанию матери и немногословной Борке, не сразу освоилась с потоком её слов.

– Как это ужасно, путешествовать в такое время! Вы, должно быть, пострадали! А ваше платье, Боже мой, оно совсем промокло! Я дам вам своё, у меня их столько, что дядюшка ворчит. Правда, дядюшка? А граф Эстерхази, вы знаете, что он герой? Он при Ульме командовал эскадром и...

– Жужанна, – мягко прервал барон. – Дай нашей гостье поесть.

Жужанна замолчала, но не надолго. Через минуту она уже шептала Илоне на ухо:., Он красавец, правда? Граф. Все девушки в округе по нему сохнут, но он ни на кого не смотрит. Говорят, у него была несчастная любовь. Или счастливая, но она умерла. Или уехала. Точно никто не знает.

Илона покосилась на Эстерхази. Он сидел напротив, пил вино маленькими глотками и разговаривал с бароном о положении на фронте. Его лицо было спокойно и непроницаемо, как поверхность зимнего озера, и только глаза, эти тёмные, беспокойные глаза, время от времени задерживались на Илоне, и каждый раз она чувствовала тот же горячий укол, что и на площади Дьёра.

После ужина барон повёл их в библиотеку, где горел камин и стены были уставлены книгами от пола до потолка. Запах старой бумаги, кожаных переплётов и камфоры наполнял комнату, и Илоне показалось, что она попала в другой мир, мир, где нет ни войны, ни голода, ни грязных дорог.

– Ваша матушка упоминает, что положение вашей семьи... непросто, – сказал барон, устроившись в кресле с бокалом токайского. – Могу я узнать подробности?

Илона сжала руки на коленях. Говорить о бедности было мучительно, но лгать этому доброму человеку она не могла.

– Отец погиб пять лет назад, в стычке на турецкой границе. После него остались долги. Имение продано. Мать больна. Мы живём... существуем... в Пожони, на то немного, что осталось. А осталось мало, барон. Почти ничего.

Барон слушал, кивая. Потом достал из кармана халата платок, промокнул глаза, и Илона поняла, что он из тех людей, чья доброта столь же естественна, как дыхание.

– Вы останетесь здесь, дитя моё. Столько, сколько нужно. И не говорите о каком-то «пристанище»: вы теперь часть этого дома. Жужанна будет в восторге: она давно жалуется, что ей не с кем поговорить. А что до вашего будущего... – Он задумался, пригубив вино. – Я познакомлю вас с нужными людьми. Вы молоды, хороши собой, образованны, и вы Батори. Этого достаточно, чтобы двери открылись.

Илона хотела поблагодарить, но слова застряли в горле. Она только кивнула, и барон, с тактом истинного аристократа, перевёл разговор на другую тему.

Когда все разошлись, Илона долго стояла у окна своей комнаты, голубой комнаты с высоким потолком, обитым шёлком, с огромной кроватью под балдахином и камином, в котором потрескивали берёзовые дрова. За окном лежал сад, припорошённый первым снегом, и луна, вышедшая из-за туч, серебрила мраморных нимф и укутанные кусты.

Внизу, во дворе, послышались шаги. Илона узнала их, хотя слышала впервые: уверенные, размеренные, чуть тяжёлые от шпор. Эстерхази вышел на крыльцо, остановился, закурил трубку. Огонёк вспыхнул в темноте, как маленькая звезда, и Илона увидела его силуэт, чёрный на фоне белого снега.

Он поднял голову и посмотрел на её окно.

Илона отступила в тень, прижавшись спиной к стене. Сердце колотилось, щёки горели. Она не знала, видел он её или нет. Она не знала, хотела ли быть увиденной. Она не знала

ничего, кроме того, что её жизнь, ещё три дня назад казавшаяся безнадёжным тупиком, начала менять направление, как река, встретившая на пути скалу.

А далеко, за горизонтом, за холмами, за полями сражений, Наполеон двигал свои армии к великой битве при Аустерлице, и мир, весь этот старый, привычный мир, трещал по швам.

Но Илона об этом ещё не знала. Она знала только, что ей тепло, что она сыта, что за окном стоит мужчина, от одного взгляда которого у неё перехватывает дыхание.

И что завтра он уедет.

Глава 4. Прощание и обещание

Утро принесло мороз и ясное небо, такое пронзительно голубое, что казалось ненастоящим после дней сплошной серости. Илона проснулась от звука подков по мёрзлому камню двора и мгновенно поняла: он уезжает.

Она оделась быстро, путаясь в шнурках лифа, и выбежала на парадную лестницу, забыв накинуть шаль. Холод ударил в лицо, как пощёчина, но она не остановилась.

Эстерхази стоял у своего вороного, проверяя подпругу. Двое его гусаров уже были в сёдлах. В утреннем свете его лицо казалось вырезанным из камня: жёсткие линии, тени под скулами, и только глаза были живыми, горячими, тёмными.

– Вы рано встали, госпожа Батори, – сказал он, не оборачиваясь. Он знал, что это она. Знал по звуку шагов, по шороху юбки на ступенях, по чему-то ещё, необъяснимому.

– Хотела поблагодарить вас. За вчерашнее. За дорогу.

Он обернулся. Между ними было не больше трёх шагов, но эти три шага казались пропастью.

– Благодарности излишни. Я сделал то, что сделал бы любой офицер.

– Нет, – возразила Илона тихо. – Не любой. Вы рисковали жизнью.

Он посмотрел на неё, и в этом взгляде было что-то, что заставило её замолчать. Не слова, не мысли, а что-то дословесное, первобытное, сильнее рассудка.

– У вас есть пистолет, которым вы едва ли умеете пользоваться, – сказал он наконец. – Дерзость, которая может довести до беды. И ни одного человека рядом, кроме старухи с кнутом. Венгрия сейчас, опасное место для одинокой девушки, госпожа Батори.

– Я не одинока. Я у барона Карольи.

– Барон добр, но бесполезен. Он живёт в мире, которого больше нет. – Эстерхази встал ногу в стремя и легко вскочил в седло. Конь, почуяв хозяина, переступил с ноги на ногу, нетерпеливо звеня удилами.

Сверху, с высоты седла, Эстерхази посмотрел на Илону. Морозный воздух превращал их дыхание в белые облачка, и казалось, что между ними плывут маленькие призраки.

– Я вернусь через несколько недель, – произнёс он, и эти слова прозвучали не как обещание, а как констатация факта, как «солнце встанет» или «река течёт».

– Зачем? – вырвалось у Илоны.

Он не ответил. Только тронул поля меховой шапки, развернул коня и ускакал, и двое гусаров за ним, и стук копыт долго ещё звенел в морозном воздухе, а потом растаял, и осталась только тишина и белый, ослепительно белый снег.

Илона стояла на крыльце, обхватив себя руками, пока холод не заставил её вернуться внутрь. Жужанна встретила её в коридоре, румяная, в кружевном чепце и с чашкой горячего шоколада в руке.

– Уехал? Ну конечно, уехал. Он всегда уезжает. Идёмте завтракать, Илона, дядюшка велел подать блинчики с творогом и вишнёвым вареньем. Вы любите блинчики?

Илона не ответила. Она думала о том, как странно устроена жизнь: три дня назад она ехала по грязной дороге, не зная, будет ли жива вечером, а сейчас стоит в тёплом коридоре богатого дома, и ей предлагают блинчики, и сердце её занято мужчиной, которого она видела всего дважды.

Дни в имении Карольи потекли размеренно и мягко, как токайское вино, которое барон подавал к каждому обеду. Илона обнаружила, что жизнь в провинциальном венгерском поместье, вдали от войны и больших городов, подчинена своим ритмам: утренний обход хозяйства,

обед, послеобеденное чтение в библиотеке, чай, вечерняя карточная партия с бароном, который отчаянно жульничал и при этом неизменно проигрывал.

Жужанна стала ей подругой, или, точнее, привязалась к ней с пылом щенка, нашедшего товарища по играм. Она показала Илоне весь дом, от парадных зал до кухни, где громадная повариха Магда царила среди медных кастрюль, как полковник среди солдат. Она открыла ей свои шкафы, полные платьев, шалей и лент, и заставила примерить всё, что подходило по размеру. Она рассказала ей все окрестные сплетни, перечислила всех соседей, их достоинства и пороки, и поведала историю каждого портрета на стенах.

Но среди этих мирных дней Илона замечала знаки, которых Жужанна, в своей беспечно-сти, не видела. Управляющий ходил с озабоченным лицом. По дороге мимо имения всё чаще двигались военные колонны. Крестьяне в деревне, принадлежавшей барону, прятали зерно и скотину. И однажды ночью, проснувшись от какого-то звука, Илона выглянула в окно и увидела на горизонте зарево пожара, далёкое и страшное, как отсвет адского пламени.

Война была рядом. Она подступала, как вода в половодье: тихо, неумолимо, и рано или поздно должна была хлынуть через порог.

Через неделю после приезда Илоны пришло известие об Аустерлице. Барон получил письмо от своего венского знакомого, и когда он читал его за обедом, лицо его, обычно розовое и добродушное, стало серым, как зимнее небо.

– Разгром, – произнёс он тихо, положив письмо на стол рядом с тарелкой. – Полный разгром. Французы разбили и австрийцев, и русских. Император подписал перемирие. Кажется, всё кончено.

Жужанна ахнула. Илона молча смотрела на барона, и в её голове бился один-единственный вопрос: Шестой гусарский. Был ли Шестой гусарский при Аустерлице?

Она не спросила. Не посмела. Но вечером, в библиотеке, когда барон задремал над книгой, а Жужанна ушла к себе, Илона нашла на столе военную газету, несколько дней назад доставленную почтой, и прочитала список полков, участвовавших в сражении.

Шестого гусарского в списке не было. Илона выдохнула, и только тогда поняла, что не дышала.

Прошло ещё две недели. Мир менялся. Наполеон диктовал условия Пресбургского мира, и Венгрия, зажата между имперской Веной и французскими амбициями, дрожала, как пламя свечи на сквозняке. Барон получал письма, хмурился, запирался в кабинете, а потом выходил с нарочитой улыбкой и приказывал подать токайское.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.